

ПРЕДИСЛОВИЕ

В эпистолярном наследии святителя Игнатия (Брянчанинова) весьма значительное место занимают его письма выдающемуся военному и государственному деятелю Николаю Николаевичу Муравьеву-Карскому.¹

Н. Н. Муравьев-Карский (1794–1866 г.) принадлежал к числу образованнейших людей своего времени. Профессиональный военный, он участвовал в войне 1812 г.; с 1816 г. служил на Кавказе под начальством А. П. Ермолова, участвовал в русско-иранской (1826 – 1828 г.) и русско-турецкой (1828 – 1829 г.) войнах; совершил ряд дипломатических поездок в Среднюю Азию, в Турцию и Египет; с конца 1854 по 1856 г. был Главнокомандующим и Наместником принесли мемуары и несколько военно-исторических книг, в которых нашли отражение драматические события его жизни и богатейший военный опыт. Он отличался безукоризненной честностью и прямолинейным характером, из-за чего имел многих недоброжелателей, часто препятствующих его служебной карьере. Обстоятельства, однако, заставляли власть имущих снова и снова обращаться к нему, и он всегда оказывался там, где совершались важнейшие исторические события.

Брянчаниновы были в родстве с Муравьевыми, что способствовало сближению еще в молодые годы Дмитрия Александровича (будущего святителя Игнатия) и его брата Петра Александровича Брянчаниновых со старшим по возрасту Н. Н. Муравьевым. С годами их отношения переросли в глубокую дружбу, оказавшую влияние и на их жизненный путь.

Сохранившиеся письма святителя Игнатия охватывают 20-летний период: с 1847 г. и до конца жизни Н. Н. Муравьева.

Н. Н. Муравьев-Карский

ева-Карского. По содержанию они очень различны. Так, письма № 1 и № 11 написаны в те моменты жизни Святителя, когда по личным и внешним причинам особенно обострялось его постоянное желание отказаться от церковно-общественного поприща и уединиться за монастырскими стенами. Письмо от 6 октября 1847 г. отправлено из Бабаевского Николаевского монастыря Костромской епархии, где святитель Игнатий находился в 11-месячном отпуске, полученном им вместо увольнения, о котором он просил. А письмо от 12 июня 1856 г. отправлено из Оптиной Пустыни, куда он предпринял путешествие “с целью устроить там желанное пребывание на безмолвии”. Сообщая в этих письмах об обстоятельствах своей жизни святитель Игнатий основное внимание уделял, однако, своему корреспонденту. Их содержание становится понятным, если учесть, что время написания писем совпадало с нелегкими периодами жизни Н. Н. Муравьева: в 1837—1848 гг. он находился в вынужденной отставке, а в 1856 г. ему пришлось пережить, как и большинству русских людей, тяжелое разочарование в связи с Парижским соглашением, завершившим Крымскую войну. Касаясь в первом письме причин “переменчивости земного счастья”, святитель Игнатий склонял Николая Николаевича к занятиям духовным, к “определятельному воспитанию своего духа”, которое “дает человеку характер постоянный, соответствующий вечности, ... пред которою земные дела принимают свои правильные размеры”. Во втором письме он убеждал его не поддаваться сомнениям и не оставлять своего поприща, не уступать его внутренним врагам России, готовым погубить Отечество: “Подвизайтесь, но подвизайтесь единственно для Бога и добродетели, а не для истории и мнения о Вас человек. ... Вера в Бога, всегда сопровождаемая оставлением упования на себя, преодолевает все скорби и искушения, побеждает все препятствия”.

Особый интерес представляют письма №№ 3—9, написанные в период Крымской и Кавказской войны, т. к.

они впервые непосредственно раскрывают отношение святителя Игнатия к историческим событиям и их влиянию на судьбы России.

В конце 1854 г. Николай Николаевич Муравьев распоряжением Николая I был назначен Главнокомандующим и Наместником на Кавказе. По-видимому, принимая столь ответственный пост и нуждаясь в моральной поддержке, он обратился к святителю Игнатию, в то время архимандриту Сергиевой Пустыни под Петербургом, с письмом, в котором высказывал свои сомнения. С этого времени начинается их наиболее интенсивная переписка. В ответном письме от 15 марта 1855 г. архимандрит Игнатий пишет: “С утешением и умилением прочитывал я Ваши строки и перечитывал их: надежда на Бога и скромный взгляд на свои способности — эти плоды опытности и житейских скорбей — суть верный залог и предвестник благоволения Божия и успеха”. Он называет себя богомольцем своего корреспондента: “Молю Бога,—пишет он ему 31 июля 1855 г.,— чтобы благословил труды Ваши по внутреннему управлению краем и благословил подвиг Ваш на поле ратном для истинного блага Отечества...”

Из последующих писем видно, с каким вниманием архимандрит Игнатий в своей монастырской келье следил за событиями тех дней: “Все Ваши донесения, печатаемые для публики, читаю с величайшим вниманием и участием; с таким же чувством читаю статьи о Ваших действиях...”. “Мне немудрено,— пишет он далее,— постоянно вспоминать о Вас и часто беседовать о Вас с многими знакомыми моими: потому что в настоящее время Вы привлекаете здесь общее внимание, и разговор о Вас идет во всех слоях общества”. Он и сам “позволяет подавать мнение” о возможных военных действиях, и в этих его рассуждениях, несомненно, сказывается его военное образование. Но сам он говорит: “Так я позволяю себе рассуждать от горячей любви моей к Отечеству и от сердечного участия к Вам”.

Подобные чувства испытывали в то время все русские люди. Общественную атмосферу того времени выражали

следующие слова святителя: “Всякому православному христианину свойственно желать всевозможных благ: во-первых, православному Отечеству, во-вторых — единоплеменным и всем православным народам, наконец, всему человечеству”.

В письме от 4 августа 1855 г. архимандрит Игнатий пишет: “К величайшему утешению моему, слышу и вижу, что все преисполнены к Вам доверенности, а люди знающие в восторге от Ваших действий”. В желании святителя этими словами поддержать и ободрить полководца в трудный и опасный момент чувствуется историческая преемственность. В это время Н. Н. Муравьев находился у турецкой крепости Карс, являвшейся важнейшим стратегическим объектом в войне (турецким гарнизоном в Карсе командовали англичане). Ввиду сильных укреплений крепости он предполагал взять Карс путем тесной блокады, однако два обстоятельства заставили его изменить этот план: падение Севастополя и высадка в Сухуми 45-тысячного корпуса Омер-паши, направившегося на подмогу Карсу. Штурм крепости состоялся 17 сентября, но, несмотря на героические усилия, был отбит с большими потерями. Муравьев, однако, не отошел, но еще более стеснил блокаду и постоянно тревожил гарнизон. Не выдержав блокады, Карс пал 6 ноября. Победа над Карсом в условиях неудачной Крымской войны была принята с огромным энтузиазмом во всех слоях русского общества. В письме от 6 декабря 1855 г. архимандрит Игнатий пишет: “Долговременная, единообразная, скучная для любителей новостей ежечасных блокада Карса увенчалась результатом, пред которым мал результат блестящего похода в этом краю, предшествовавшего Вашему. Союзники не могут поправить своей потери... Поздравляю, поздравляю Вас!” А в письме от 9 декабря 1855 г. он добавляет: “Взятие Карса произвело в столице всеобщий восторг. Можно сказать, что все поняли важность последствий падения этого, как Вы называете, оплота Малой Азии”.

Несмотря на военные действия, Н. Н. Муравьев должен был думать и об управлении доверенным ему краем. Одной из первостепенных мер по его улучшению он считал повышение роли духовного влияния на население. В этих целях он стремился к благоустройству Кавказской епархии, центр которой находился в городе Ставрополе. Зная высокую нравственность и организаторские способности архимандрита Игнатия (Брянчанинова), он предполагал выйти с ходатайством перед Святейшим Синодом о назначении его правящим архиереем епархии. Этот факт, что инициатива назначения святителя Игнатия епископом Кавказским и Черноморским исходила от Н. Н. Муравьева-Карского, не отмечен ни одной биографией святителя. Уже 11 ноября 1855 г., т.е. спустя всего пять дней после падения Карса, он пишет архимандриту Игнатию письмо, с целью получить его согласие на это ходатайство. Однако из письма святителя Игнатия от 26 января 1856 г. видно, что вопрос о его назначении на Кавказскую и Черноморскую кафедру, несмотря на поддержку Государя Императора, не сразу был решен в высшем органе церковного управления — Святейшем Синоде. Хиротония святителя Игнатия во епископа Кавказского и Черноморского состоялась 27 октября 1857 г., т.е. уже после выхода Н. Н. Муравьева-Карского в отставку.

После взятия Карса все ждали, что наступит перелом в войне и она перейдет на вражескую территорию. Но, как это не раз случалось в русской истории, дипломатия свела на нет героизм и жертвы русских людей. Тем не менее, эта победа сыграла решающую роль во время Парижских переговоров: Карс был обменен на Севастополь и другие русские города, занятые союзниками. Главной наградой за эту победу, полученной Н. Н. Муравьевым, было добавление к его фамилии — “Карский”.

Русское общество было разочаровано результатами переговоров в Париже. Этим же настроением проникнуто письмо святителя Игнатия от 4 апреля 1856 г.: “Будущее России в руках Божественного Промысла”.

Письма №№ 17—26 написаны в последнее десятилетие жизни обоих корреспондентов. В этих письмах уже не чувствуется соприкосновения с внешним миром, как в письмах петербургского периода. Объясняется это, прежде всего, тем, что адресат писем, Н. Н. Муравьев-Карский, после Парижского соглашения оставил общественную деятельность, в которой святитель Игнатий всегда принимал живейшее участие, а также удалением самого святителя от столичной суеты. Письма кратки и интимны. В первом из них, от 24 ноября 1857 г., святитель Игнатий сообщает, что уезжает в Ставрополь: “В назначении моем (на Кавказскую и Черноморскую кафедру) исполняется Ваша мысль”. Следующие пять писем написаны в период пребывания святителя Игнатия на Кавказской и Черноморской кафедре. Возможно, не желая напоминать Николаю Николаевичу обстоятельств, связанных с его отставкой, святитель Игнатий не сообщает ему ничего ни о положении в районе, ни о своей деятельности по управлению Епархией. Из писем можно узнать лишь подробности его личной жизни и некоторые соображения, касающиеся его литературных трудов.

Крайнее напряжение сил на новом поприще и многолетняя болезненность привели, однако, организм святителя к полному истощению. В письме от 14 апреля 1860 г. он снова возвращается к мысли об удалении в уединенный монастырь, чтобы “кончить там жизнь в самых серьезных занятиях, образчик которых Вы видите в Слове о смерти”. 24 июля 1861 г. святитель Игнатий обратился к Государю Императору с просьбой об увольнении. И в письме от 24 августа 1861 г. он сообщает Николаю Николаевичу о положительном ответе Государя на его просьбу и о том, что ему предоставлен в управление Бабаевский Николаевский монастырь.

Отправляясь к месту своего последнего земного прибежища, святитель Игнатий заезжал в поместье Н. Н. Муравьева-Карского Скорняково, где познакомился с его женой Натальей Григорьевной (урожденной Черныше-

вой) и его дочерями. “Философское расположение, в котором я видел Вас в скромном Скорнякове, столько располагающем к философии, мне чрезвычайно понравилось”, — будет он вспоминать через год.

Следующие его письма отправлены уже из Николо-Бабаевского монастыря, который “крайне уединен, а именно в этом и нуждаюсь, это и люблю”. Из общего тона этих писем выделяется письмо от 14 мая 1863 г., написанное в связи с предполагаемым (но не состоявшимся) возвращением Николая Николаевича на государственную службу и содержащее весьма знаменательные предположения о судьбах России.

Последнее письмо Н. Н. Муравьеву-Карскому написано святителем Игнатием 18 марта 1866 г. А 5 ноября 1866 г. Николай Николаевич скончался.

О. Шафранова

Николаевский Бабаевский монастырь